

Тамара Злобина

Я выбираю любовь

Любовный роман

Тамара Злобина
Я выбираю любовь.
Любовный роман

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38570808
ISBN 9785449351708*

Аннотация

В связи с надвигающимися событиями в Узбекистане, главная героиня Тамара уезжает с младшей подругой во Владивосток, чтобы заработать средства на переезд в Россию. В Намангане у неё остаётся мать и восьмилетний сын. Ей приходится пройти немало испытаний, встретить удивительного мужчину, полюбить его, прежде, чем, наконец, отстоять своё право на счастье, право на зарождающуюся в ней новую жизнь.

Содержание

Глава 1. Здравствуй, Владивосток!	5
Глава 2. Чтобы быть Золушкой...	23
Глава 3. Любительница лёгких приключений	38
Глава 4. Царица Тамара	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Я выбираю любовь

Любовный роман

Тамара Злобина

© Тамара Злобина, 2018

ISBN 978-5-4493-5170-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Здравствуй, Владивосток!

Никак не привыкну к этому городу. Здесь всё другое: люди, воздух, атмосфера, даже ландшафт иной. И вода. Кругом вода. Хотя, что же в том удивительного, ведь город находится на полуострове Муравьёва-Амурского: с одной стороны Амурский залив, с другой – Уссурийский? И это, на человека, впервые попавшего сюда, производит неизгладимое впечатление. Мы с Мариной – не исключение.

Едва наши ноги, сойдя с трапа самолёта, коснулись земли, как моя младшая подруга обвела окрестности восторженным взглядом и сказала:

– Ну, здравствуй, Владивосток!

Мне показалось, что я ответила ей мысленно:

– Ну, здравствуй, хрен мордастый.

Оказалось – вслух.

– Что-что?! – засмеялась Марина. – Я не поняла. Ты, что разочарована? Посмотри, какие виды! Владивосток с нашим «вечно пыльным» Наманганом не сравнить...

– Правильнее бы сказать: Приморская земля, потому как это всего лишь Кневичи, и от них до Владивостока сорок километров. А до Артёма рукой подать, и нам туда. – поправила её я.

– И откуда ты всё знаешь?! – не-то удивилась, не-то возмутилась Марина.

– Популярную литературу почитываю, – с улыбкой ответила ей.

Уже в автобусе моя юная подруга неожиданно выдала:

– Надеюсь, здесь нет этой музыки, завязшей в зубах, как жёваная-пережёваная резинка?

– Не бойся, Марин, не соскучишься, – ответила я. – Здесь все на китайском поют.

Марина посмотрела на меня насторожено и сказала:

– Ты шутишь, или как?

– Да, конечно же шучу, – состроила я серьёзную мину. – Тут сплошь только песни твоего любимого Ильи Лагутенко с его «Мумий Троллем». И никакие больше.

– Да ну тебя! – махнула рукой Марина, и всю дорогу до самого Артёма, молча смотрела в окно автобуса. Видимо, обиделась, ведь она этого певца органически не переносит, считая его нудным и манерным.

Итак, мы будем жить не в самом Владивостоке, а в городе-спутнике Артёме: там и кое-кто из Намангана живёт, и квартиры дешевле. Списались с хозяйкой, договорились об оплате – так, что едем не «на деревню дедушке». Боюсь, что на этом плюсы заканчиваются, и начинаются минусы. Хотя поживём – увидим.

Прошло полгода с тех пор, как мы прибыли из Средней Азии на самую восточную точку нашего Союза, по словам Марины «ловить женихов». Это её «откровение» всегда вызывает у меня бурю негодования:

– Кто – женихов ловить, а кто заработать, чтобы можно было, наконец, перебраться в Россию!

– Одно другому не мешает! – засмеялась в ответ подруга.

И добавила, глядя меня по плечу, словно задабривая:

– Да ладно тебе, Том! Здесь все женщины делятся на две категории: невесты и бабушки. Ты же не бабушка!

Пропустив мимо ушей, окончание её реплики, я поинтересовалась:

– Кто тебе такую чушь сказал? Уж не Наташка ли Карелина?... Опять у неё была?

– Нет, что ты? – быстро отреагировала Марина. – Это мне на работе сказала одна – бабушка по призванию.

– Кто такая? – продолжала настаивать я.

– Ты её не знаешь! – скороговоркой ответила Марина, и я поняла, что мой вывод верен: Наташка.

Карелина тоже из Намангана, уехала более двух лет назад. Успела уже, как говорит Марина, и муженька, конечно, капитана дальнего плавания, подцепить, и ребёночка ему родить. Никто не знает о том, что там, в Намангане, у неё была

самая древняя «профессия», но отнюдь не журналиста...

Наташка – бывшая соседка Марины, и она на два года старше моей юной подруги – ей 22. Я из всей этой пёстрой компании самая «старая»: мне 29, и, если все Наманганские девчонки приехали сюда ради женихов, то я действительно, чтобы заработать деньги на переезд: уж больно беспокойно становится в Средней Азии.

Как говорит моя мама:

– Грядут большие неприятности.

А ей можно верить: у неё чутьё, то бишь интуиция, как у дворовой собаки, которая всегда знает, когда и от кого пинок схлопочет.

Моя матушка юмористка ещё та: никогда не унывает. Я её полная противоположность. Мама обычно объясняет это именно так: – «Не в меня девка уродилась – вся в отца». И вздыхает тяжко, видно сожалея об этом.

Если бы ни она, то я никогда во Владивосток не попала. Разве бы я смогла оставить своего сына Игорька?

– Пусть отвыкает от материнской юбки! – заявила мама, перед моим отъездом. – Мужик он, или как? Что вырастет из такого, когда ему мама до сих пор сопельки вытирает?

Ну это она, конечно, гиперболизирует. Хотя сыну только девять, он у меня мальчик самостоятельный – весь в свою бабушку: такой же категоричный и ершистый.

Марина, с которой мы вместе работали в Наманганском городском отделе статистики, когда услышала, куда я собралась, тотчас же заявила:

– Я с тобой!

Жалко мне девчонку – хорошая она: весёлая, открытая, простая. Даже не верится, что в неблагополучной семье выросла. Нет в ней того двойного дна, который наслаивается при такой-то жизни. Отец Марины год назад сторел от пьянки. Грешно так говорить, но вырывается поневоле: –«Царство небесное, вечный упокой – кровопийца был такой».

Доставалось от него девчонке и в дело, и без дела. Частенько она на работу в синяках приходила. Да и младшему её братишке Сергею влетало за компанию. Мать Марины от такой жизни стала злой, желчной, всем и всегда недовольной. Не жизнь, а «сплошное кино ужасов» – по выражению Марины. Как не сбежишь от всего этого?

– А, как же Серёжка? – поинтересовалась я тогда. – Как он без тебя?

Маринка нахмурилась, но ответила твёрдо:

– Как только обустроюсь, сразу Серого заберу!

О матери – ни слова... Отказать ей я не посмела.

А вот они и минусы пошли, о которых я догадывалась: на работу приходится ездить во Владивосток. Дорога в один конец отнимает около полутора часов и вставать приходится

в шесть утра. Мне-то привычно, а вот с Мариной целая канитель. Каждое утро одно и то же:

– Соня-засоня, вставай!

В ответ:

– Угу... Сейчас.

И тишина. Через пять минут:

– Подъём, а то – побъём!

И на её угу:

– Всё пошла за чайником: сейчас поливать буду наш «цветочек лазоревый», чтобы спать во время ложился!

– Только попробуй! – выдаёт «цветочек лазоревый», соскакивая с кровати и направляясь в душ.

Уже зима: светает поздно, темнеет рано. Из дома уезжаем ещё темно – возвращаемся уже темно. Сегодня я возвращаюсь одна: Маринка осталась у своей подружки Верочки, с которой сдружилась уже здесь. Моя юная подруга человек лёгкий, бесконфликтный, как теперь говорят – коммуникабельный. Мне повезло с ней: девушка способна расшевелить любого «меланхолика», коим являюсь я, по словам опять-таки моей мамы. Подозреваю, что мама меня специально «спроводила» из дома, чтобы я «пообтесалась».

В автобусе народу почти битком – он последний на сегодня. Еле успела: можно сказать, почти на ходу запрыгнула. Задумчиво смотрю в окно, перебирая в памяти сегодняшний

день, не особенно удавшийся. Должна была звонить одна дама, у которой мы надеемся снять другую квартиру: пора перебираться в город. Не выгодно ездить из Артёма: тратится немало времени на дорогу и немало средств. Пытаемся договориться с Ниной Петровной об оплате, но она всё тянет. Вот и сегодня звонка я так и не дождалась.

С оконного стекла на меня смотрит уставшее лицо не юной красотки, но женщины уже кое-что повидавшей в этой жизни. Я усмехаюсь ему – лицо делает то же самое, словно подбадривая: -«Держи хвост пистолетом – всё проходит. Пройдёт и это».

Очень скучаю по своим: по сыну, по моей неординарной маме. Пишу часто. Иногда звоню. В ответ одно: у нас всё хорошо – можешь не волноваться. Мы с Игорем пришли к компромиссу: он не цепляет меня – я его.

Крепко держусь за поручень: автобус мотыляется, как щепка в проруби – то ли дорога виновата, то ли неопытный водитель за рулём. И неожиданно всей кожей чувствую на себе чей-то пристальный взгляд. Невольно поворачиваю голову и вижу взгляд в упор. Мужчина явно нестарый – слегка за тридцать. Взгляд внимательный, цепкий, с лёгким прищуром. Это всё, что успеваю разглядеть – сразу же отворачиваюсь.

И сразу мысли-мысли гурьбой, как снежинки, что за ок-

НОМ:

– Как же можно вот так, бесцеремонно рассматривать женщину?! Он, что не понимает, что я не картина в галерее?... Безобразие какое-то! Вот возьму сейчас и покажу ему язык... Нет, как-то не солидно... А вот Марина, наверное, так бы и сделала! Но молодости позволительна милая шалость, а вот взрослой женщине – нет.

Невольно улыбаюсь этой мысли, и мужчина, разглядывающий меня, уже не кажется таким невоспитанным и бесцеремонным. Я просто отворачиваюсь к окну и стараюсь о нём больше не думать. Но мысли сами возвращаются назад, и я ничего не могу с ними поделать.

Обычно я не могу смотреть на мужчину: природная, видите ли, застенчивость, а уж тем более – смотреть в глаза. И, если чувствую, что на меня смотрит кто-то, сразу деревенею: лицо становится холодным и сердитым, и я стараюсь уйти от такого взгляда. Но сейчас... Бессознательно поднимаю глаза на человека, смотрящего на меня, и мы встречаемся взглядом. Мужчина вздрагивает, а я начинаю краснеть. Готова уже сквозь землю провалиться от этой своей «детской привычки»

По меньшей мере смешно, что тридцатилетняя женщина, так и не разучилась краснеть. Прямо какая-то детская болезнь, от которой никак не могу избавиться. Кому-то это

нравится, кто-то считает этот недостаток милым, а кто-то – пережитком прошлого. Вот с последим и я вполне согласна, ведь он порой выдаёт меня с ушами!

В Кневничах выходит больше половины автобуса, и я, вздыхаю свободно, надеясь, что беззастенчивый попутчик тоже вышел в Аэропорту. Сажусь на освободившееся место и по привычке отворачиваюсь к окну, пытаюсь дыханием очистить на нём пяточок для обзора. Через пятнышко видно, как за окном мелькают разноцветные огоньки, занавешенные снежным покрывалом, плавно ниспадающим с небес на изрядно остывшую землю.

Зря я надеялась так быстро освободиться от невоспитанного попутчика: его взгляд, как гипнотический взгляд змеи не желает оставлять меня в покое.

– «Чёрте что! – думаю в сердцах. – Неужели он не понимает, что мне это неприятно?! Хотя, если подумать, что неприятного в том, что мужчина смотрит на женщину? Он же не пристаёт, не говорит скабрёзности, а просто смотрит. Ну и пусть себе смотрит на здоровье! Что это ты, Тамара, так ополчилась на него? Посмотри на него холодно и сердито, как ты можешь, и он отстанет. Мужчины понимают, когда им даже взглядом говорят: нет!»

Набравшись храбрости, поворачиваю голову, чтобы по-

ступить именно так, как решила, но мне навстречу широко распахнутые глаза, в которых нет даже намёка на то, что их обладатель намеревается сделать что-то плохое. Выдержать этот взгляд невозможно: сталь режет все преграды, как нож масло. На сей раз он не вздрагивает, и взгляда не отводит.

– «Так ничего и не понял – решаю я. – Видимо, „сказала“ недостаточно убедительно...»

Возникает желание немедленно, на следующей же остановке выйти, чтобы, наконец, избавиться от этого назойливого взгляда. Останавливает лишь одно: за окном немилосердно дует ветер и кружит позёмка. От одной мысли оказаться на улице становится зябко.

Что ему от меня нужно? Может обознался мужчина, с кем-то перепутал? Если это было так, то давно бы заговорил, а он просто смотрит... Может гипнотизёр? Загипнотизирует, а потом ограбит? Так у меня и грабить-то нечего: в сумочке какие-то копейки. Да и одежда – на такую не позаришься.

Хорошо, что через две остановки выходить, и я, наконец, избавлюсь от этого странного человека, который пугает меня своим взглядом.

Нужно просто вообразить, что он смотрит в то же окно, что и я. Только и всего. А до меня ему нет никакого дела. Как это называется? Аутотренинг? Закрываю глаза и начинаю убеждать себя:

– «Я его совершенно не интересую... Он смотрит не на меня... Он просто думает о своём... А я о своём...»
Так, уже лучше. Немного расслабиться. Думать о своём!
– «Я возвращаюсь с работы, меня ждёт отдых... Я устала.. Мне нет никакого дела до каких-то там попутчиков...»

И вдруг до моего сознания доносится тихий, приятный голос:

– Вы, что меня боитесь?

От неожиданности вздрагиваю. Это не ускользает от мужского взгляда.

– Боитесь, – говорит он уже утвердительно. – Неужели я такой страшный?

Голос звучит мягко и доброжелательно. И я невольно поворачиваюсь на него. И снова эти глаза: стального цвета, но почему-то необыкновенно добрые, всёпонимающие, с лёгкой грустинкой. Отвечаю не задумываясь:

– Поневолле испугаешься, когда на тебя начинают смотреть, как на преступника – не отрываясь!

– Вы ошибаетесь, – отвечает мужчина с улыбкой. – Я смотрю на вас не как на преступника, а как на милую, очаровательную женщину.

– Даже так? – делаю вид, что удивлена. – И вы поняли это при первом же взгляде – не так ли?

– И тут ошибаетесь! Я давно смотрю на вас – это не пер-

вая встреча... Например, я знаю, что на следующей остановке вам выходить. И у меня совсем мало времени, чтобы объясниться, если вы, конечно, не позволите себя проводить?

– Это совсем ни к чему! – пытаюсь протестовать я, но мужчина вновь улыбается:

– Да не бойтесь вы меня – я не кусаюсь. Это я на вид такой серьёзный, а в душе – сама мягкость и доброта.

– Сам себя не похвалишь – никто не похвалит? – пытаюсь юморить я, хотя у самой поджилки трясутся.

– Ну, слава Богу! – радуется попутчик, – У вас юмор появился, значит не всё у меня так плохо?

И добавляет весьма доверительно:

– А мы ведь с вами в соседних домах живём: вы в 56-м, а я – в 58-м.

– Вы даже это знаете? – невольно удивляюсь я, стараясь понять, что у попутчика на уме.

И сразу приходит удивление:

– «Какой интересный мужчина! И не только его глаза редкостного цвета. Виски, припорошенные сединой, как снегом, Правильные черты лица. Вполне достойный рост. Стройность, которую не скрывает даже зимняя куртка, похожая на лётную...»

– А что тут удивительного? – отвечает мужчина. – Я ведь признался, что обратил на вас внимание давно... Просто вы меня не замечали. Поневоле пришлось устроить это «пред-

ставление» с навязчивым взглядом.

– Даже не подумав о том, что таким представлением могли, если не напугать, то смутить любую женщину?

– Простите, не подумал! Просто растерялся, увидев вас, потому что, как раз в этот момент думал: – «Где же она, женщина моей мечты?»

– Вы ловелас? – пытаюсь припереть попутчика к стенке своим вопросом.

– Отнюдь! – отвечает он. – За энное количество лет впервые произношу эти слова.

Я поднимаюсь с сиденья:

– Простите, мне сейчас выходить!

– Нам выходить, – поправляет он, пропуская меня вперёд, но перед самой дверью рукой перекрывает выход.

Стараюсь не поддаваться обаянию неожиданного попутчика, произношу сакраментальную фразу:

– У меня сегодня был трудный день, и я очень устала. Поэтому прошу вас, отпустите меня.

Открываются двери и мужчина убирает руку, а я шагаю в разыгравшуюся пургу, которая сразу же начинает кружить вокруг меня, проникая под полы пальто, в рукава, залепляя снегом глаза. Кажется, что нечем дышать: воздух тугой и колючий. Я на секунду закрываю глаза и чуть не падаю. Попутчик успевает подхватить и удержать. Как приятно ощутить тепло и трепет мужской руки. Не часто мне выпадали такие

моменты в жизни. Свои первые неумелые опыты общения с отцом Игоря даже вспоминать не хочется. Там в роли поддержки пришлось выступать мне, а не ему.

– Я могу вас, конечно, выпустить, – говорит мягким шёпотом мужчина, – но мне этого совсем не хочется. Наконец, осмелился заговорить, и ничего не добился – даже имени не узнал. Не прощу себе этого никогда!

– Ну и что же мы будем делать? – интересуюсь я. – Так и будем торчать посередине улицы, как два тополя на Плющихе? Или всё-таки пойдём домой?

– Как скажете! – восклицает мужчина, подставляя руку, чтобы я смогла опереться на неё. – Кстати, меня зовут Александром. Отчество, думаю, не обязательно? А вас? Как зовут вас? Чтобы я мог вспоминать не просто случайную попутчицу, а знакомое имя.

– Меня зовут Тамара, – отвечаю ему, с единственной надеждой, что этого будет вполне достаточно.

– Редкое имя по нашим временам, – констатирует Александр. – Сейчас всё больше Оксаны, Алёны, Виктории и Вероники.

Говорить на ветру нелегко, да и слушать тоже, поэтому странный знакомый всё время старается наклониться поближе, чтобы можно было слышать разговор, а я тем временем украдкой рассматриваю его. И делаю неутешитель-

ный вывод: красавец-мужчина. Такие у меня никогда не вызвали доверия. Видимо, потому, что Алексей был именно таким: красивым, самовлюблённым, избалованным и... безвольным.

– Скорее всего бабник, гуляка, – мысленно решаю я. – Знаем – проходили. Ведь женщины на таких вешаются сами. Как мне сказал однажды Алексей: – «Я не виноват, что бабы сами мне на шею кидаются!»

– Вот мы и пришли. – начинаю я, останавливаясь возле своего подъезда. – Спасибо, что проводили.

И добавляю совсем некстати:

– Хотя без вашей помощи, я была бы дома намного раньше.

Слышу в ответ упавший голос:

– Вы жалеете о том, что я оторвал вас от привычного ритма?

Мне становится жалко попутчика. Ох, уж эта женская сентиментальность! И я пытаюсь успокоить его:

– Нет, что вы, Александр? Иногда бывает полезно сбиться с привычного ритма, так что не корите себя.

Меня начинает бить мелкая дрожь: я катастрофически замерзаю, и поэтому прошу:

– Ну, я п-пойду? Вы уж извините, но я ещё н-не привыкла к здешним холодам быстро н-начинаю мёрзнуть. И зубы

стучат. На-верное, заметно?

– Я бы хотел согреть ваши руки, Тамара, – отвечает мужчина. – Но вы так строги, что я боюсь даже дотронуться до вас.

Мы стоим возле подъезда. Метель разыгралась не на шутку. Я начинаю пританцовывать на одном месте и, не выдержав, наконец, говорю:

– Может мы уже попрощаемся? Вас, наверное, ждёт семья.

– Увы, – криво усмехается Александр, – мне торопиться некуда: никто не ждёт... Может быть, пригласите на чашечку чая?

– Это будет не совсем удобно, – признаюсь ему. – мы живём на квартире, вместе с хозяйкой. И она ревностно оберегает свой, да и наш, покой.

– Тогда я вас приглашаю к себе на чашечку кофе, – предлагает мужчина. – Ведь это совсем рядом, как вы уже знаете.

– С удовольствием, – отвечаю я, – но лучше в другой раз.

– Выпьём кофе, послушаем музыку – у меня записи, неплохие есть, – настаивает мужчина.

– Спасибо, Александр. Но не сегодня – я очень устала. Как-нибудь в другой раз. До свиданья.

Едва я поворачиваюсь, чтобы уйти, но он вновь преграждает мне дорогу:

– Хорошо, пусть не сегодня! Назначайте время – я подчи-

нюю вашему решению.

– Я свободна в субботу. Это вас устраивает, – отвечаю ему, с единственным желанием закончить, наконец, это затянувшееся прощание. – А сейчас отпустите меня, пожалуйста, я скоро превращусь в ледышку.

Александр смотрит на меня очень пристально, но мне уже всё равно.

– Простите меня, Тамара, но я всё-таки попытаюсь согреть ваши руки, – говорит он. – Пять минут. Мне нужно всего пять минут!

Мои ледяные руки тонут в его жарких ладонях, и я успеваю удивиться: как могут в такую погоду руки быть такими горячими. Пытаюсь освободить свои пальцы и не могу. Чувствую на своём лице его дыхание, рвусь в сторону и влетаю в подъезд. И дальше, не ожидая лифта, по ступенькам вверх, на свой пятый этаж.

Слышу голос:

– Тамара, я буду ждать вас в субботу, в шесть вечера на этом же самом месте.

Бегу от этого голоса, не останавливаясь, и только на площадке третьего этажа перевожу, наконец, дыхание. Сердце готово вырваться из груди то ли от торопливого бега, то ли от волнения. Щёки начинают пылать, а я шепчу:

– Не выйду... Не выйду... Нам незачем больше видеться... Не верю я тебе, красавчик. И хотела бы поверить – да

не могу...

Немного успокоившись, поднимаюсь на пятый этаж и звоню в дверь. Мне открывает Марина.

– Ну, мать, – говорит она, – ты сегодня что-то припозднилась? Думала, что меня нет дома и подалась во все тяжкие?

И добавляет уже серьёзно, поглядывая на мою раскрасневшуюся физиономию:

– Что с тобой? У тебя какой-то взъерошенный вид...

– Ты же должна была сегодня остаться в городе? – отвечаю вопросом на вопрос.

– Сорвалось мероприятие, – отвечает девушка, не вдаваясь в подробности.

И добавляет, вглядываясь с подозрением в моё лицо:

– За тобой словно собаки гнались... Колись, что произошло!

– Дай прийти в себя, – прошу её, ещё не решив, стоит ли рассказывать о сегодняшнем инциденте.

Глава 2. Чтобы быть Золушкой...

Не хотелось мне рассказывать Марине о сегодняшней встрече. Думала: молода ещё девчонка – не поймёт, всё таки девять лет разницы. Но разве она отстанет, пока своего не добьётся? Собирались уже спать: время позднее, а утром, как всегда, подъём в шесть часов. Осталось только выключить свет, но не тут-то было.

– Не усну, пока не расскажешь! – заявила Марина. – И тебе спать не дам.

– Отшлёпаю! – пригрозила я. – Не посмотрю, что ты маленькая уже девочка.

– Счас! – засмеялась в ответ та. – Я из дома уехала потому, что меня постоянно кто-нибудь за что-нибудь шлёпал: то отец, то мать! Тут уж как-нибудь без этого обойдусь.

Пришлось рассказать. Многое упустила намерено, чтобы не смущать юный ум. Потому рассказ получился сухим и конкретным, напрочь лишённым моего отношения к произошедшему – обычная констатация факта.

Марина выслушала на удивление спокойно, даже не перебила ни разу, а потом спросила:

– Пойдёшь?

Отвернувшись к стенке, ответила ей: – Нет, не пойду,

Давая понять, что на этом разговор считаю исчерпанным.

– Но, почему, почему?! – запротестовала Марина. – Сама сказала, что он интересный... Даже красивый мужчина... Значит он тебе понравился?!

– Потому и не пойду. Ни к чему всё это – пустая трата времени.

Я снова повернулась лицом к Марине. Она сидела на кровати, поджав под себя ноги и распустив свои волнистые светло-русые волосы. Они то и дело ниспадали ей на глаза, а она тонкой ручкой небрежно отбрасывала их назад. Это выглядело так мило и трогательно.

И мне невольно подумалось:

– «Вот, если бы Александр пошёл за Мариной, то я смогла бы верить в искренность его чувств... Она молода, привлекательна, стройна, как горная козочка... Немного наивна, но это, говорят, мужчинам нравится... А я? Женщина не первой молодости... Да ещё и с ребёнком...»

Может он через меня хочет познакомиться именно с ней? Это можно понять... Тогда к чему слова: женщина моей мечты? Зачем этот фокус с согреванием рук? К чему всё это? Можно было намного проще: просто сказать: – «Мне нравится ваша подруга»...

Марина перебила мои мысли:

– Я бы на твоём месте непременно пошла! Если судьба

даёт шанс – им глупо не воспользоваться. Уж я свой шанс не упущу! Ухвачусь за него двумя руками – никто не вырвет!

Я улыбаюсь в ответ:

– Кто бы сомневался, Марина! Ты молода – твоё всё впереди.

– Ох, глядите: старушка нашлась! Не прибедняйся, пожалуйста... Пусть даже ничего из этого не получится, но шанс упускать нельзя. Моя мать всегда говорит: – «Упустишь шанс – судьба накажет!»...

В ответ я только покачала головой.

– Да, что ты теряешь?! – от возмущения Марина соскочила с постели и напрямик к моей кровати. – Может это последний шанс?!

И добавила лукаво улыбаясь:

– Если не пойдёшь ты – пойду я. И приведу его сюда!

– Ты, что Маринка, с ума сошла?! – не выдержала я. – Тогда я с утра пораньше уйду из дома, пока ты, засоня, спать будешь!

– Ну и, пожалуйста, – не сдавалась девушка, – сколько угодно. – Пока тебя не будет я ему всё про тебя расскажу! А ещё дневник твой найду – пусть он о тебе всё-всё узнает.

Я понимаю, что она не сделает этого – просто поддразнивает, но делаю вид, что верю её угрозам и пытаюсь переубедить взбалмошную девчонку:

– Ты думаешь это поможет? Да после того, как он всё узнает, то бежать отсюда будет, как Гарун с поля брани.

– Ну, уж нет! – отказалась от своей мысли Марина. – Тогда я всё позапрячу, как можно дальше, чтобы никогда ничего не всплыло!

– А меня тоже запрячешь? Я ведь и сама могу рассказать, что была уже замужем, что у меня есть сын, которому скоро девять... Что разочаровалась в мужчинах... Что не верю им.

– Ну и глупо! – отреагировала Марина. – А мне, казалось, ты умная женщина.

– Не льсти, Марина, не поможет. Сказала не пойду – значит не пойду. И вообще хватит на сегодня разговоров: завтра утром тебя опять не добудишься. Всё, прекращаем дозволенные речи и на боковую. Марш к себе в постель и спать. Девчонка!

– Ничего-ничего, – проворчала девушка, отправляясь в свою постель, – ещё не вечер! До субботы два дня. За это время я тебе так уши прожужжу, что ты в 18—00 будешь стоять у подъезда раньше Александра!

– Спи жужжалка! – засмеялась ей в ответ. – Утром я жужжать не стану – сразу с чайником приду.

Еле уgomонила свою нетерпеливую подругу, принявшую эту случайную встречу так близко к сердцу. Марина не-то обиделась на меня, не-то просто устала спорить: отвернулась к стене и засопела.

Два последующих дня прошли, как в лихорадочном сне: я устала бороться сама с собой. Соблазн был велик, но и здравый смысл не уступал первенства. Да ещё и Маринка подливала масла в огонь:

– Смотри, мать, я ведь знаю, где он будет ждать! Отобью.

– Отбивай, пожалуйста, – отреагировала я. – Я не против. Только отбивать будет некого: он не придёт, вот увидишь. Парнишка просто шутил. Как говорят теперь: прикалывался... Собственно, я и сама не хочу, чтобы он приходил.

– Не поверю! – с сомнением посмотрела мне в глаза Марина. – Каждая женщина мечтает о любви, о счастье, о своём доме. Можно подумать, что ты из особого теста сделана?!... Из того же самого, что и все остальные. Просто ты залезла в свою раковину, и боишься из неё вылезти... Как... Как... Рак-отшельник!... Ты просто трусиха: боишься даже мало-мальских изменений в своей жизни. Неужели тебе не надоело одно и то же: дом – работа, работа – дом?

Я посмотрела на взволнованное, слегка порозовевшее лицо девушки, и ничего не ответила, понимая, что она права – права, как никогда. Молода-молода, а неглупа, девчонка-то!

Наконец, Марина рассердилась, что с ней бывает очень редко:

– И что это я тебя уговариваю?! Хозяин – барин. Хочешь

всю жизнь быть одна – пожалуйста. Это твой выбор... Только потом не плачь!

– Я мягко возразила:

– Мариш, ты же знаешь зачем я сюда приехала... Совсем не затем, чтобы «заводить шашни» с первым встречным.

Девушка засмеялась в ответ:

– Все в этой жизни первые встречные! Только одни проходят мимо, а другие остаются в нашей жизни навсегда.

– «Вот те раз? – подумала я. – Девчонка-то не так проста, как я думала раньше... Своим умом дошла или вычитала где?»

А Марина вдруг мечтательно заявила:

– Эх, мне бы встретился такой мужчина! Интересный, видный, высокий, добрый... Я бы за ним на край света – в тапочках!

Невольно улыбнулась:

– Мы уже и так на краю света – дальше только Северный Полюс... Но почему в тапочках?

– Так я и сейчас – в тапочках! – засмеялась Марина.

– Что простительно девушке в твоём возрасте, Мариш, не простительно женщине моего возраста, – сделала вывод я.

– Слушай, Том, тебе не надоело повторять одно и то же? Так и в самом деле недолго поверить, что ты – древняя старушенция.

Этими словами девчонка убила меня наповал – я поняла, что перегнула палку. Пришлось честно признаться:

– Ну, что ты, девочка, мне совсем не хочется быть древней старушенцией! И я с большим удовольствием стала бы лет на десять моложе... Ты знаешь, ведь, Александр, мне действительно понравился... Единственный мужчина, который понравился за последние шесть лет... После развода с мужем.

– Всё-всё, – сдалась Марина, – уговаривать тебя больше не буду. – Поступай, как знаешь. Меня всё равно два дня дома не будет: мы с друзьями Верочки уезжаем на турбазу «Бригантина».

– Может и меня с собой возьмёте? – поинтересовалась я на всякий случай.

– Нет! – категорически ответила Марина. – Без напарника не принимаем. Как только найдёшь себе пару – милости просим... Сама понимаешь: одинокая женщина в такой компании – не желательна. Тем более, такая, как ты...

Какая такая – не стала уточнять, чтобы совсем не упасть духом. Без этого чувствовала не в своей тарелке: в таком смятении чувств находилась впервые за последний десяток лет.

Рано утром в субботу мне даже не пришлось будить юную подругу: она соскочила часов в семь, наскоро позавтракала

ла и уже в дверях, увидав мой удивлённый взгляд, сказала с улыбкой:

– Не скучай, мать! Дома буду только в понедельник вечером!

Она стояла возле двери, одетая в яркую куртку, модные брючки – на голове пушистая, в цвет куртки, шапочка. Лицо девушки сияло от радости, предвкушая явно желанную встречу.

– Какая ты счастливая, Марина! – отреагировала я, глядя на неё с оттенком грусти и лёгкой зависти.

Девушка внимательно посмотрела на меня и спросила:

– Почему ты так решила?

И я ответила не скрывая своего отношения:

– Молодая, красивая. У тебя всё впереди... Желаю тебе, Мариш, чтобы была всегда вот такая, как сейчас: счастливая, молодая, красивая...

Марина вернулась назад, чмокнула меня в щёку и сказала:

– Спасибо, на добром слове, подруга!

Помахала на прощание рукой и скрылась за дверью.

– Как прекрасна молодость! – выдала я свои чувства вслух. – Как ей всё к лицу: и одежда, и радость, бьющая через край. Ей даже маленькие глупости – и те к лицу...

Хотелось плакать, вспоминая последние мои годы, после развода с Алексеем. Собственно, и вспоминать было нече-

го. Целиком и полностью посвятила себя сыну, работе, дому. Может потому мама и «выпроводила» меня сюда, чтобы я, наконец, изменила свою «старушечью жизнь»? Как вы уже догадались, наверное, что это изречение её – моей мамы. Я прекрасно понимаю, что она не хочет, чтобы я повторяла её жизнь. Ведь мама, после смерти отца, не посмотрела ни на одного мужчину, хотя ей ещё и сорока не было.

Неожиданно вспомнился один фильм, который я видела ещё в подростковом возрасте. Не помню уже ни его названия, ни лиц главных героинь. Помню только, что старшую из них прямо в день свадьбы оставил жених. И она прожила всю оставшуюся жизнь в затворничестве, за закрытыми шторами. Даже свадебный стол остался не тронутым...

Как сейчас перед глазами огромный мрачный зал старинного замка, тяжёлые, занавесившие высокие окна шторы, уходящие под своды; длинный стол, окружённый старинными стульями с высокими, резными спинками. Стол уставлен различными штофами, бутылками с вином, вазами, столовыми приборами с остатками яств на них, до конца ещё не доеденных мышами... Высокая, стройная женщина неопределённого возраста в чёрном, почти траурном одеянии...

Та же участь ожидала и её воспитанницу. Видимо, переломить судьбу дано не всем. Если только не сыщется любящая душа, способная вытащить из этого замкнутого круга, как это произошло с младшей героиней фильма... В фильме

такая душа нашлась. Но то же – фильм.

– Тебе предстоит это сделать самой, сударыня! – решила я. – Принцы давно перевелись. Да и ты не Золушка... Кстати, если бы Золушка осталась сидеть за печкой, а не отправилась на бал, то не видать ей принца, как своих ушей!

Но, чтобы быть Золушкой нужно, оказывается иметь столько смелости! А я в последний момент струсила и уехала во Владивосток, решив отвлечься от тяжёлых мыслей и посмотреть какой-нибудь лёгкий фильм.

– «А, что может быть лучше до боли знакомой, советской комедии? – решила про себя. – Разве ещё одна, не менее знакомая... Как раз то, что нужно для моего пессимистического настроения».

Направилась сразу в кинотеатр «Океан» – там как раз идёт неделя повторного фильма. За пол года проживания здесь мы так и ни разу не были в этом кинотеатре. Привлекало не только название «Океан», ведь так обычно называют рыбные магазины (в Намангане, где осталась моя семья, тоже есть такой магазин), но и то, что по разговорам там большой аквариум с экзотическими рыбками, много зелени в фойе и хороший буфет.

Погода снова вернулась к своему нормальному для этого времени состоянию – нулевому. Небо хмурилось, снова ста-

ло слякотно и серо, не похоже на зиму. Примерно такая же погода сейчас и в Намангане.

– Как странно! – удивилась я. – Владивосток намного севернее, а погода та же. Будто мы привезли её с собой...

Кинотеатр впечатлил и размерами, и архитектурой с его полукруглым фойе; наличием объёмного аквариума, населённого рыбами, которых мне никогда в своей жизни не доводилось видеть; раскидистыми, высокими пальмами; яркой зеленью выющихся растений с экзотическим цветом и запахом. За окнами было сыро и промозгло, а здесь царило лето: тепло, много света, зелени, словно я попала в райский сад.

Однако комедии в этот день не шли. Шёл фильм «Влюблён по собственному желанию» – в главной роли с Олегом Янковским. Я уже видела фильм, причём совсем недавно, и даже умудрилась применить аутотренинг на практике. Но выхода не было, поэтому взяла билет на сеанс, который состоится через час, и направилась напрямиком в буфет, знакомый по рассказам сослуживцев.

Выбор в буфете, действительно, был богатый: бутерброды с красной и чёрной икрой, а также с сыром и колбасой; пирожные разного вида и цвета; мороженое сортов десять – не меньше. Ассортимент выгодно отличался от того, что приходилось встречать в Намангане. Любовь к мороженому осталась ещё с детства: её не смогли победить ни годы, ни скудный выбор, ни низкое качество.

Долго сидела за столиком, с наслаждением смакуя холодное лакомство из нескольких сортов мороженого, поглядывая на таких же любителей кинематографа. Невольно вспомнились споры сослуживцев, одни из которых категорически утверждали, что кинематограф и театры утратили свою роль и теперь отмирают за ненадобностью. Многие из них давно уже не ходят ни в театры, ни в кинотеатры, считая, что это пустая трата времени: им всё заменило телевидение. Некоторые и хотели бы пойти, но их держат дела – не хватает времени. А я иногда выкраиваю время для похода в кино.

Когда смотришь фильм, то забываешь обо всех проблемах, обо всех неудачах, невзгодах – вообще обо всём. Весь во власти действия фильма, переживаний и волнений его героев. Им сочувствуешь, сопереживаешь, думаешь вместе с ними, живёшь их жизнью... Кинематограф, как и книги, обогащает, украшает нашу жизнь, поэтому я не понимаю, как можно не любить его?

Начался фильм, и я постаралась всё выкинуть из головы. Если бы не соседи, которые пришли явно не для того, чтобы смотреть. Странные звуки невольно заставили обернуться. Ба, да они целуются! Совсем ещё дети... Едва ли по шестнадцати лет. Даже не знаешь, как реагировать на такое? Сесть подальше, чтобы не мешать, или призвать к порядку? Не успела сделать ни того, ни другого: соседям на-

доело или их занятие, или фильм, и они поднялись и ушли почти в самом начале сеанса. Их, видимо, совсем не интересовало, как с помощью аутотренинга пьяница превращался в нормального человека – почти так же, как лягушка превращалась в Василису Прекрасную.

Что ни говори, велика сила самовнушения, если она заставила полюбить друг друга таких различных людей: умную, малопривлекательную женщину и спивающегося, разочаровавшегося в жизни, мужчину. Но закончилась вся эта кутерьма вполне банально: постелью.

Давно обратила внимание на то, что самая счастливая история заканчивается всегда свадьбой. Даже сказки на этом заканчиваются. А затем: «и я там был, мёд, пиво пил – по усам текло, а в рот не попало». И всё! Дальше только: «они жили долго, счастливо и умерли в один день». А писать об этой «долгой и счастливой жизни» уже нечего.

Так и в жизни: всё интересное только до свадьбы. И встречи, и расставания, и первые цветы, и первые поцелуи. Всё опьяняет, всё кажется беспредельным счастьем... Не надолго: совместная жизнь отрезвляет быстро, почти сразу. Дальше – ссоры, скандалы, непонимание и вердикт: не сошлись характерами. Некоторым, чтобы сделать такой вывод, достаточно пяти-шести лет, а некоторым – и того меньше.

Я прошла через это. Нам с Алексеем хватило четырёх лет,

чтобы понять, что мы совершенно не подходим друг другу, что между нами нет ничего общего, что могло бы связать и повести по жизни рядом. Даже рождение сына не помогло, а, напротив, ускорило распад семьи. Как говорят, издержки молодости. Сейчас я прекрасно понимаю, что можно было избежать этого, но ничего уже не вернуть: ни времени, ни чувств, ни молодости. Ничего...

Домой возвращалась в задумчивом, отрешённом состоянии, не обращая внимание на то, что вновь стало подмораживать, что с океана подул пронизывающий ветер, что воздух был солон и слегка горьковат. Солено и горьковато было и у меня на душе. Золушки из меня явно не получилось: трусовата.

Вот и наш подъезд. На секунду задержалась перед дверью, и глубоко вздохнув, дёрнула ручку на себя. В подъезде полутемно и тихо, и ни живой души, а ведь уже... Ну, да: уже за семь. Кто будет ждать час? Не поняла чего во мне было больше: радости или разочарования? Медленно поднималась по лестнице, ничего не видя вокруг. На лестничной площадке третьего этажа кто-то стоял, но я, не поднимая головы, прошла мимо.

И вдруг услышала за спиной ещё не забытый голос:
– Здравствуйте, Тамара! Вы не узнали меня?... А, впрочем, как могли узнать, когда прошли мимо, не поднимая го-

ловы?... Вы забыли, что я жду вас сегодня?

Заставила себя повернуться на голос. На площадке третьего этажа стоял Александр. И моё сердце рухнуло вниз, как во время воздушной ямы на самолёте.

Глава 3. Любительница лёгких приключений

Усилием воли заставила себя повернуться на голос. На площадке третьего этажа стоял Александр. И мое сердце ухнуло вниз, как во время воздушной ямы на самолёте: что-бы мужчина ожидал женщину более часа – такое, наверное, бывает только в сказках...

Ответила, как можно сдержаннее:

– Здравствуйте, Александр... Никак не ожидала, что вы придёте. Думала, что это шутка.

Мужчина быстро поднялся ко мне и негромко спросил:

– Но теперь вы убедились, что я не шутил?

Как фокусник, он достал из под куртки букет цветов и протянул мне:

– Это вам!

А, заметив моё замешательство, добавил:

– Возьмите. Пожалуйста.

– Розы?! – почти задохнулась я от волнения. – В декабре? Какое чудо!

Странное ощущение охватило меня: в нём смешались и восхищение, и растерянность, и недоверие. В ответ чуть слышно пробормотала:

– Ну, что вы, Александр, зачем это?..

Но цветы были уже в моих руках и не осталось ничего иного, как сказать:

– Спасибо.

Чтобы окончательно не выдать своей растерянности, добавила громче:

– Где вы только умудрились их достать?!

Александр сразу оживился и, глядя на меня с улыбкой, сказал:

– О. эта долгая история! Они совершили большой перелёт!.

Поспешно прижала прохладные бутоны к разгорячённому лицу, чтобы скрыть смущение:

– Извините, Александр, я поднимусь к себе и поставлю цветы в воду. Жаль будет, если такая красота пропадёт...

– Тамара, можно мне подняться с вами? – спросил Александр.

– Да-да, конечно! – ответила торопливо, краснея от досады за свою суетливость, и радуясь тому, что он не видит предательской краски.

Александр в два шага догнал меня, и мы неторопливо стали подниматься вверх на пятый этаж.

– У нас есть минут десять в запасе, – сообщил он, глядя на меня, как-то по особенному: не-то сочувствуя, не-то жа-

ляя.

Ни то, ни другое меня не устраивало, потому спросила с вызовом:

– Вы куда-то торопитесь?!

– Мы торопимся, – поправил он. – С прошлой недели во Владивостоке начались гастроли Хабаровского театра музыкальной комедии... Я взял на себя смелость и купил билет на «Летучую мышь». На восемь часов...

– Вы любите оперетту? – поинтересовался он возле нашей двери.

Хотелось ответить вопросом на вопрос:

– «А кто же её не любит?»

Но неожиданно призналась:

– Я оперетту смотрела единственный раз... Больше десяти лет назад... В Ленинграде...

От волнения я никак не могла найти ключи, хотя перерыла всю сумочку.

Наблюдая за моими тщетными стараниями, мужчина, наконец, не выдержал и предложил:

– Давайте подержу цветы – так будет удобнее.

Невольно подняла на него глаза и увидела понимающий, добрый взгляд. Вдруг стало так спокойно и легко, словно мне открылось что-то очень важное, что раньше никак не давалось. И сразу пропали скованность и стеснительность, а ключи отыскались сами-собой.

Александр, как истинный джентльмен помог мне раздеться, разделся сам. Я показала ему нашу комнату, а сама направилась на кухню, чтобы набрать воды в вазу.

– «Вот сейчас и настало время расставить все точки» – решила я. – Чтобы между нами не было никаких недомолвок, никакого обмана... Ведь любой обман рано или поздно открывается...

Господи, да о чём это я?! Такие розы!... Такой мужчина! Да хоть на час забудь ты о прошлом, Том! Живи настоящим... Оно стоит того...»

Семь роз невероятно алой расцветки – беззащитных и нежных, всё ещё находились у меня в руках. Я прижала их к лицу, с наслаждением вдыхая аромат, припоминая, когда мне в последний раз мужчина дарил розы. И не смогла вспомнить.

– «Да разве это сейчас важно? – удивилась про себя. – Всё это уже в прошлом, сударыня! Как говорит моя юная подруга; – Нужно жить здесь и сейчас...»

Когда я вернулась к себе, то застала гостя всё ещё стоящим по середине комнаты.

– Что же вы стоите, Александр? – поинтересовалась я. – Проходите, садитесь... Чувствуйте себя, как дома.

Чтобы занять гостя, предложила посмотреть альбом с фо-

тографиями.

Ради шутки мы с Мариной составили общий альбом, словно одна семья. Потом стали добавлять новые фотографии, снятые уже здесь, во Владивостоке и Артёме. Получилось довольно интересно. Конечно, в нём больше Маришкиных фото. В отличие от меня Марина любит сниматься, и всегда на снимках получается хорошо. По утверждению фотографов, у неё фотогеничное лицо.

Пока я переодевалась за открытой дверцей платяного шкафа, Александр заинтересованно рассматривал фотографии.

– А эту девушку я видел уже как-то вместе с вами, – сообщил он, имея, видимо, в виду Марину.

– Да, – согласилась я, – это Марина, моя юная подруга. Мы вместе снимаем эту комнату... Не правда ли интересная девушка?

– Да, милая, – подтвердил Александр.

– А это – ты! – узнал он, неожиданно переходя на ты.

Я вышла из-за шкафа в своём любимом вязаном платье под цвет глаз. С самого детства мне говорили, что глаза у меня зелёные, как у кошки. Я не протестовала: со стороны виднее.

Александр посмотрел на меня так, словно увидел впервые.

– Да, – улыбнулась ему в ответ, – это я. Как говорит Ма-

рина – в глубокой молодости.

Александр засмеялся в ответ:

– Мне почему-то кажется, что и сейчас молодость ещё не закончена?!

И перевернул страничку альбома.

– Это мой сын – Игорь, – сообщила я, не отрывая взгляда от лица гостя, надеясь увидеть его реакцию.

Но один мускул не выдал Александра. Только глаза – эти чудные глаза стального цвета, смотрели на меня недоверчиво и испытующе.

– Симпатичный мальчик, – сказал он. – Сколько ему?

– Ему девять лет! – отреагировала я с вызовом, словно он в чём-то обвинял меня.

– Большенький уже мальчик, – вполне доброжелательно отозвался Александр, – И мама – молодая и сын – почти взрослый.

Тактика отваживания «нежелательного поклонника» явно не срабатывала.

– «К чему ты это делаешь, Том?» – спросила сама себя. И сама себе же ответила: – «Всё правильно: пусть знает правду... Было бы странным в моём возрасте не иметь детей... Теперь-то уж точно наша встреча будет последней... Вокруг столько молодых, красивых и бездетных».

Почему я так старалась отделаться от этого человека?

Ведь он мне, несомненно, нравился. Я сама себе не могла ответить на этот вопрос. Мама бы, наверное, сказала: -«Из вредности!» Во мне словно бес какой-то сидел и нашёптывал: – «Не верь! Не верь. Не верь...»

Ну и глазищи у этого товарища! Наградила же природа... Они, наверное, до самой глубины душу человеческую видят: такой пронизательный взгляд, что все слова застревают в горле.

– Не нужно, Тамара, делать вид, что вы хуже, чем есть на самом деле... Кому-то может показаться, что вы слегка бравлируете... А ведь это не так. Я это понял сразу...

– Что можно понять за две встречи? – попыталась удивиться я. – Иногда и жизни не хватает, чтобы до конца понять человека...

Александр накрыл мою ладонь своей и посмотрел на меня так, как тогда, в автобусе. А я не знала, что предпринять: то ли убрать руку, то ли погладить мужчину по щеке?

Но я была бы не я, если бы не отреагировала совсем иначе: – Нам не пора в театр? Десять минут уже истекли... До Владивостока, как минимум час езды.

– На такси за полчаса доедем, – отреагировал Александр, посмотрев на часы. – Да, пора выходить – через пять минут такси будет возле подъезда.

И неожиданно добавил:

– Вам очень идёт это платье, Тамара... И причёска – тоже... Вообще, вы сегодня такая красивая!

– «Вот те на! Ничто не предвещало такого поворота. – удивилась я про себя. – Можно сказать: огорошил – так огорошил... Сразу видно: не мастер вы, Александр, говорить комплименты».

А вслух сказала совсем иное:

– Спасибо. Я рада, что вам понравилось.

Погода вновь начала меняться. Слегка подморозило. Наверное, настала пора – всё-таки середина декабря. Пора бы привыкнуть и к капризам погоды, и к пронизывающему ветру, который, кажется, не утихает здесь никогда.

– Как бы сегодня снег не пошёл, – отреагировал Александр, поднимая воротник и подавая мне руку.

Возле подъезда скользко, словно кто-то специально полил тротуар водой. И я сразу догадалась, что это дело рук зловредной старушки со второго этажа: таким образом она протестует против соседей по площадке, с которыми находится в многолетней вражде. А все последствия этой вражды достаются нам – жителям подъезда.

– Вот, наконец, и такси! – бодрым голосом произнёс Александр, издали заметив приближающуюся машину.

До театра мы добрались минут за сорок. Я сидела на заднем сидении и молча смотрела в окно, любясь россыпью

многоцветных огней, то приближающихся, от отдаляющихся. Пытаясь таким образом переключится на позитивный настрой, и не думать о сегодняшних событиях. Переговаривались лишь водитель и Александр: похоже, что они они давно и неплохо знали друг друга. Они что-то обсуждали, шутили, смеялись, и я начала чувствовать себя лишней на этом «празднике жизни».

Александр, словно ощутив изменение моего настроения, неожиданно повернулся в мою сторону и сказал:

– Познакомьтесь... Тамара, это мой лучший друг – Михаил. Михаил – это Тамара.

Из зеркала, улыбочиво и изучающе, смотрели на меня глаза водителя.

– Очень приятно, – отреагировала я.

– И мне тоже, – согласился Михаил.

И добавил весело:

– Мне о вас Санёк уже все уши прожужжал! На днях он сказал нам по секрету, что познакомился, наконец, с женщиной своей мечты.

– Ну, вот и доверяй другу! – засмеялся в ответ Александр. – А он выдаст тебя с головой!

– Ты, что до сих пор ни в чём не признался? – не поверил ему Михаил, делая круглые глаза. – Ну и скрытная же ты личность, дружище! Я бы сразу раскололся!

Пока мы ехали до Владивостока, Михаил успел рассказать, что они с Саньком дружили с самого детства, что и жили рядом, и учились в одном классе – даже службу проходили на одном корабле.

– Но потом наши дорожки разделились: Санёк остался во флоте, окончил высшее морское, а я пошёл в строители. Под моими ногами должна быть твёрдая земля: море меня выворачивает наизнанку. – признался Михаил.

И все мои страхи развеялись мгновенно: друг Александра целиком захватил внимание. Он словно фокусник жонглировал словами и темами, ни на минуту не оставляя наедине с собой. Теперь уже молчал Александр, лишь иногда вставляя пару-тройку слов, чтобы уговорить не в меру разговарившегося друга.

– Знаете, Тамара, как Санёк называет вас? – веселился Михаил.

– Интересно как? – подхватила игру я.

– Михаил, остановись! – предупредил Александр. – Иначе поссоримся.

– Но почему, Санёк? – не понял тот, кидая на друга полу-удивлённый взгляд.

– Потому, что я должен сказать это сам! – без тени улыбки ответил Санёк.

– Сам – так сам! – с готовностью согласился Михаил. – Хозяин, как говорится, барин. Мы, извозчики, люди подне-

вольные: нам платят – мы везём...

На некоторое время в салоне воцарилось молчание. В воздухе повисла некая неловкость: то ли Михаил обиделся на слова друга, то ли ему надоела пустая болтовня. Только возле самого театра, он повернулся ко мне и сказал:

– Хорошего просмотра, Тамара! Мы с супругой пару дней назад были здесь – ей понравилось.

Потом обратился к Александру:

– Значится так: не обещаю, но постараюсь быть на этом же месте к половине первого...

– Спасибо, друг! – просто, без тени обиды ответил Александр, подавая Михаилу руку. – Пока?

Тот дружески пожал её в ответ:

– Пока!

И я вздохнула с облегчением: всё нормально – мне просто показалось.

Пожалуй, этот вечер был самым счастливым в моей жизни за последнее энное количество лет. Александр, видимо, решил удивить меня: цветы, театр, ресторан. Он вёл себя так непринуждённо, так естественно, словно именно этим занимается всю свою жизнь. Я же, ощущая на себе изучающий, внимательный взгляд соседа, чувствовала себя неопытной провинциалкой.

Цветы меня порадовали, оперетта «Летучая мышь» раз-

влекла, а ресторан – совсем доконал. Как я не старалась быть лёгкой, свободной – мне это плохо давалось.

Мы сидели в уютном зале ресторана, пили коктейль, который ничем не напоминал молочный, и разговаривали. Александр задавал вопросы о Средней Азии, о людях, природе, о моей семье. Я старалась отвечать как можно проще и немногословнее, стараясь ни словом не обмолвиться о том, что вспоминать совсем не хотелось. Однако, честно призналась, что мы с мужем развелись, когда Игорьку было всего три года, что сын сейчас остался с мамой, что я приехала сюда с единственной целью: заработать на переезд в Центральную Россию. Так и подмывало сказать, что совсем уж не за тем, чтобы «заводить шашни», как выражается иногда Марина. Не смогла сказать: побоялась обидеть Александра.

Кое-что и мне удалось узнать о своём спутнике: его жена Валентина и маленькая дочь Алёна погибли в автокатастрофе, и вот уже четыре года он один. Было видно, что эта рана до сих пор не зажила: Александр говорил о них с такой болью, что я пожалела о том, что задала ему этот бестактный вопрос. Поэтому сразу перевела разговор на другую тему: призналась, что нас с Мариной очень поразил город Владивосток, в который мы попали на время по прихоти капризной судьбы.

– Есть что-то схожее со Средней Азией, – ответила я

на очередной вопрос Александра. – Мне представлялось, что климат здесь намного суровее. Но оказалось, что зимы здесь почти такие же... Конечно, воздух совсем иной: слегка солоноватый с горчинкой. И влажность.

– Ничего не поделаешь, – отреагировал Александр, – океан даёт о себе знать.

Говорили мы с Александром много и заинтересованно. Особенно легли на душу его слова:

– Когда несколько дней тому назад в автобусе вы, Тамара, подняли на меня глаза, я невольно вздрогнул: показалось, что на меня смотрит моя Алёнушка. Если бы вы видели свои глаза в этот миг! В них столько всего было: и робость, и испуг. И боль, и печаль, и надежда, и растерянность... Но боль была – кричащая!... Мне даже плохо стало от этого взгляда. Он молил, звал на помощь... Такой взгляд был у моей девочки, когда я уходил в тот злополучный рейс, а они с Валеёй провожали меня... Такой, или почти такой...

– Александр, – отреагировала я на его признание – может быть, тогда нам не стоит видеться, если это невольное сходство мучительной болью отзывается в вашем сердце?

Александр даже в лице изменился, а голос выдал хрипотцу:

– Не делай этого, Тамара! Прошу тебя... Другой такой потери я не перенесу...

И я ничего не смогла ответить на этот крик души: вдруг все слова утратили свою силу и убедительность.

Когда мы вышли, наконец, из ресторана было уже за полночь. Площадь перед рестораном покрыл небольшой снежный покров – шёл снег. Хоровод снежинок падал с неба, кружа и порхая, как в медленном вальсе. Снег и разноцветные, мерцающие огни сделали своё дело – город казался сказочным и немного волшебным.

Видимо, эта сказочность и сбила меня с толку, а может выпитое вино, и я предложила доехать на автобусе, мысленно представив сколько Александру пришлось потратить.

Его взгляд вновь стал слегка удивлённым и стальным. Мужчина смотрел на меня, как на некую незнакомку. Странное дело: я прекрасно осознавала, что не должна так поступать, что он не заслужил такого отношения, что горожу полную чушь, и не могла остановиться:

– Но если вы, Александр, решили подождать Михаила, то я не смею вас задерживать.

Спутник посмотрел на меня с непониманием, даже, как мне показалось, с досадой и сказал, словно окончательно разочаровавшись во мне:

– Вы уж извините, Тамара, но воспитание не позволит мне оставить девушку одну посередине улицы... Сначала я провожу вас до того места откуда взял... А уж потом отправлюсь

на все четыре стороны, как предложили вы.

– Ну, вот и всё! – испугалась я, мысленно кляня себя. – Вся «любовь» и закончилась! Как некстати ты, сударыня, изволишь «шутить»... Выглядишь, как завзятая любительница лёгких приключений. Осталось только сказать: – «Сколько я вам должна? И получить пощёчину».

Захотелось плакать. Или отхлестать себя по щекам, как однажды в детстве, когда мама за какую-то провинность оставила меня в углу, а сама ушла в магазин. Когда она вернулась через три часа, я была вся зарёванная, с пылающими щеками, потому что не на шутку отхлестала себя.

Больше в угол мама меня не ставила. И после этого случая все проблемы мы пытались решать мирным путём. Если она говорила: – «Ну, что, дочь, садимся за стол переговоров?» – то, я понимала, что сделала что-то не так, и начинала лихорадочно соображать чем провинилась на этот раз.

Через несколько минут подкатил Михаил.

– Не замёрзли? – поинтересовался он, открывая дверцу. – Садитесь быстрее.

По дороге в Артём, у меня было почти такое же состояние, как тогда, в детстве. Хотя теперь я знала точно, что сделала не так.

И снова говорили Михаил и Александр, и снова я молчала, глядя в окно на мелькающие огоньки, строения и стол-

бы, проплывающие мимо, на снег хороводящий за окном, и нещадно бьющий в стекло своей холодной ладонью.

Возле моего подъезда Михаил обратился к нам почти торжественно и официально:

– Тамара и Александр, мы с супругой приглашаем вас в следующее воскресенье на рождение: ей исполняется тридцать. Так сказать, первый юбилей... Отказы – не принимаются!

Александр вылез из машины, помог выйти мне, поцеловал на прощание руку. Я успела лишь сказать:

– Благодарю за чудесный вечер.

Александр улыбнулся в ответ:

– Это я должен благодарить тебя.

Потом сел в машину, помахал мне рукой и автомобиль укатил. А я усмехнулась:

– Ну, вот, кажется и всё...

Глава 4. Царица Тамара

Как пережила эту неделю – не знаю сама. Если бы не Надюшина семья, наверное, не выдержала нервного напряжения. И тогда даже представить не могу, что бы произошло. Быть может, сбежала назад к сыну и маме, быть может, начала разыскивать Александра.

Видимо, не зря бытует мнение, что женщина – явление непредсказуемое. Это как раз про меня. Про меня теперешнюю.

Всю свою жизнь я привыкла ощущать на себе «поводья», которые меня направляли в нужную сторону. Ясно, что поводья эти были не мои – мамины, и я, хоть и сопротивлялась иногда, но шла именно туда, куда она направляла. А тут вдруг поводья не просто ослабли – исчезли совсем. И я теперь не знала, как вести себя, что делать. Не понимала, что хорошо, а что плохо, что правильно, а что нет. Я словно ослепла и оглохла от полной свободы.

Даже Марина знает цену этой свободы, а мне приходится учиться, как малому дитяти. И я не всегда справляюсь с тем, что на меня свалилось. До встречи с Александром это было не так заметно, а вот теперь заметно, и очень... Жизнь понеслась комом с горы, а я стала рассеянной, задумчивой, всё

валилось из рук, иногда не слышала, что мне говорили, иногда отвечала невпопад. Я словно витала в каком-то безвоздушном пространстве, не чувствуя под ногами опоры.

Марина смотрела-смотрела на меня, а потом сказала:

– Что с тобой происходит, мать?! Уж не влюбилась ли ты?

И я вспыхнула:

– Скажешь тоже! У меня это чувство давно атрофировалось.

– Ой, ли? – засомневалась Марина.

И добавила, глядя, округлившимися от удивления глазами:

– Смотри, мать!... Не выскочи замуж раньше меня – это нечестно.

В ответ я только фыркнула и в тот же вечер уехала к Надежде.

Надя – бывшая моя одноклассница и соседка. Мы дружили с ней ещё в старших классах. Она часто бывала у нас в доме, оставалась ночевать, когда родители «шли в разнос». Так она называла периоды, когда отец с матерью пускались в запой. Она, как старшая дочь в семье, пыталась протестовать против пьянок родителей: прятала бутылки, выливала бражку, которую готовила мать. За это однажды ей в голову полетела двухлитровая банка. И если бы Надя не подставила руку, банка попала ей прямо в голову. Однако, разбившееся

стекло всё-таки поранило ей и руку, и лицо. Надя прибежала к нам вся в крови, с испуганными глазами, и моя мама потом обрабатывала ей раны, вытаскивая пинцетом мелкие осколки стекла.

Наши пути разошлись сразу после школы: мы переехали в Среднюю Азию, а Надя уехала из совхоза в Свердловск. Так затерялись наши следы, и неожиданно сошлись здесь – во Владивостоке: она работала бухгалтером в той же строительной организации, куда устроилась я.

Столько было радости, столько воспоминаний, столько слёз. Я узнала, что из двух Надиных сестёр осталась только Люда, а Оленька умерла. И в её смерти Надя до сих пор винит родителей. Быть может, она и права – не мне судить, хотя это бесполезное занятие, ведь ни тётки Нины, ни дяди Сергея уже нет в живых.

Людмила осталась в Свердловске, вышла замуж за хорошего парня, а Надежда с мужем Юрием и двумя дочерьми переехали во Владивосток, поближе к его родителям.

Мне так нравится бывать в доме Орловых: там я отдыхаю душой, черпаю силы. У них я особенно остро чувствую, как соскучилась по своему Игорьку. Дочери Нади – Оленька и Наташа, которым исполнилось по пять лет, всегда встречают меня радостными возгласами: – «Тётя Тамара пришла! Тётя Тамара пришла! Наша умница! Наша курносень-

кая пришла!» И сразу же стараются повиснуть у меня на шее. Непонятно откуда они взяли, что я курносенькая? Наверное, так их бабушка любовно называет, а они – меня.

– Слушай, подруга?! – иногда в шутку сердится Надежда. – Девчонки тебя больше любят, чем отца с матерью!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.